

М. Лозинский

Валерий Брюсов и его перевод "Давида Сасунского"

Выступление в г. Ереване на праздновании тысячелетия эпоса "Давид Сасунский" (сентябрь 1939 г.)

Мастерство перевода. М., Советский писатель, 1959

[OCR Бычков М. Н.](#)

В Советском Союзе праздник всякой национальной литературы, подобный тому, в котором мы участвуем, превращается в праздник братства всех его литератур. Осязаемым и непреходящим символом этого братства остаются научные исследования на многих языках, остаются популярные статьи и книги, остаются переводы литературных памятников одного советского народа на языки других советских народов.

Каждый такой праздник служит взаимному ознакомлению, взаимному обогащению национальных литератур.

Почетна заслуга писателей и ученых, отдающих свои силы великому делу сближения народов, перекрестного оплодотворения искусств и культур.

На торжественном празднике армянской культуры, который мы Сейчас справляем, наш долг - почтить благодарным словом память русского поэта, который больше, чем кто-либо иной, сделал для того, чтобы русскому народу и всем, кто читает по-русски, раскрылись во всем блеске неисчерпаемые сокровища армянской поэзии. Этим поэтом был Валерий Брюсов.

"Вряд ли я ошибусь, - писал Брюсов в 1916 году, - если скажу, что армянская поэзия, особенно поэзия прошлых веков, составляет для большинства русских читателей то самое, что на старинных географических картах означалось белым местом с лаконической надписью: "terra incognita" - область неведомая".

В положении таких читателей был, по его признанию, и сам Брюсов.

Когда в дни империалистической войны, летом 1915 года, представители Московского армянского комитета обратились к нему с просьбой взять на себя редактирование сборника, посвященного армянской поэзии в русском переводе, он ответил решительным отказом. "С одной стороны, - писал он впоследствии, - мне представлялось невозможным редактировать книгу, относящуюся к той области знания, которая мне едва знакома; с другой (сознаюсь в этом откровенно) - я не предвидел, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо ценное мне самому".

В конце концов, он решил приступить к работе, сначала в виде опыта.

И здесь мы еще раз должны подивиться той суровой требовательности, с которой Брюсов относился к себе, тому сознанию литературной ответственности, которое было ему присуще.

Прежде чем взяться за труд переводчика и составителя книги, он прочел, по его словам, целую библиотеку книг на разных языках (русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском), ознакомился с армянским языком и с тем из армянской литературы, что мог найти в переводе. Эти кабинетные занятия завершились путешествием в Армению.

Готовясь к составлению армянской антологии, Валерий Брюсов проделал огромный труд. "Побудить к этому, - рассказывает он нам, - могло лишь одно: то, что в изучении Армении я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что, как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении - целый самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении - такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества. И работа, начатая мною неохотно, принятая мною как одна из очередных литературных задач, какие мы, писатели по профессии, должны бываем иногда выполнять, постепенно превратилась для меня в заветное, страстно любимое дело, которое заняло все мои помыслы, которому я уже мог отдаться, и не мог не отдаться всей душой".

Когда Валерий Брюсов, этот многоопытный Одиссей, в своих плаваниях посетивший, казалось, все побережья мировой литературы, проник в глубь Армении, он был поражен, и рассказ его о том, что он увидел, звучит неподдельным восторгом.

"Народная армянская поэзия, - пишет он, - принадлежит к числу наиболее замечательных среди